

Ирина Кадочникова

*Единственный
полюс*

Стихи

Ижевск, 2015

УДК 821.161:1-1
ББК 84(2=411.2)64-5
К 136

Ирина Кадочникова

К 136 Единственный полюс.: Стихи. Ижевск:
Издательство «Шелест», 2015. – 88 с.

ISBN 978-5-906027-82-5

УДК 821.161:1-1
ББК 84(2=411.2)64-5

ISBN 978-5-906027-82-5

© И. Кадочникова, 2015
© Издательство «Шелест», оригинал-макет 2015

***

Надо представлять себе Сизифа счастливым.

А. Камю

И когда ты задумаешь сделать нечто –
просто фигурку вылепить из глины,
и первый блин будет комом,
и второй, и третий,
ты не отчаивайся.
Значит, так и должно быть.

Это дано нам

как испытание веры:

катишь и катишь свой неподъемный камень,
глиняный шар свой, фигурку свою смешную.
Господи, – думаешь, – как на меня похожа.
И вот в какой-то миг, бесконечно прекрасный,
так и отпрянешь: откуда взялось ощущение
легкости этой – как будто с воздушным шаром,
с ношей бесплотной как будто
вздымаешься в гору?

Это дано нам

как воздаянье за дело –

чувство, что нет ничего в тебе от Сизифа,
что и гора твоя так далека от Голгофы –
словно небесная лестница Иоанна.

2008

3

***

Когда морозно пахнет Рождество
Еловыми бессмертными ветвями,
Мы в нем как будто воскресаем сами,
Хотя и ровным счетом ничего
Не происходит – так, одна возня:
Уборка попережку с магазином.
И суетно, и душно нестерпимо.
И в небе, как обычно, ни огня.
И думаешь, что ты еще, увы,
Ни чуда не познал, ни ощущенья
Полета, замирания, всезренья,
Великой всеобъемлющей любви...
Но в этой канители выходной,
Когда концы с концами сводит время,
Когда уходит старый год со всеми
Метелями и пахнет тишиной,
Мир возникает с чистого листа –
Дымящийся, восторженный, как прежде.
И мы распахиваем дверь в надежде,
Что с холодом впускаем в дом Христа.

2008

***

Пахнет январским холодом – как нездешним,
Северным, ледовитым январским ветром.

А я вот пишу – согреваюсь – дышу надеждой,
Любовью какой-то небывшей и безответной,
Верой какой-то последней и непреложной –
Не то в новый день,

не то просто в живучесть речи.

Вот, кажется, все.

И, мачтами звезды тревожа,
Опять облака-корабли

отправляются в вечность.

И, кажется, им никогда не бывает страшно.
Такого бы мужества нам – да и горя не ведать.

А, может быть, это уходят печали наши
Совсем незаметно для нас

и как будто бесследно.

2009

***

В. Шихову

В каком краю, у призрачных оград,
Возрос он, твой тенелюбивый сад?
Когда бы говорил «иду на вы»,
Но лев твой не поднимет головы.

В каком краю, во глубине времен,
Где нет ни побережий, ни имен
Знакомых, но – дыхание земли,
С которой звук и слово не смели?

В каком краю, изнеможен тоской,
Но исцелен давидовой строкой,
Расцвел – причудливей морских камней –
Слезоточивый мир твоих камней?

И нам пора не стрелы собирать –
Труды и дни свои в одну тетрадь,
Как Гесиод, как всякий бы сумел,
Когда б его язык не онемел.

2009

***

Мы жили – Боже мой! – в такой глуши,
Где ангелы слетаются над крышей,
Где сон таким благоговеньем дышит –
Не сон, а замирание души.

И этот милый деревенский быт,
И сеновал, распахнутый рассвету...
Еще нам предстоит так много лета,
Чтоб все это запомнить и забыть,

Избыть в себе, переболев тоской
По запаху земли, согретой рожью,
По долгому пути, по бездорожью,
По небу у тебя над головой.

Когда б еще в открытые поля
Упасть нам васильковыми глазами?..
И эту муку мы взрастили сами,
О Эвридика верная моя!

2009

***

Август – и куст черноплодный
Тянется к черной земле.
Думай о чем угодно –
Снеге, дожде, тепле,

Плачущей много осине
По жизнелюбцу-листу.
Мы же такие отныне
Вечные в этом ряду.

Впору смириться с любой
Мукою, видит Бог, –
И с беленой-любовью,
И с лебедой-судьбой.

Что нам и стон ковыльный,
Что нам и горе-век?
Мы же такие живые
В скошенной этой траве.

И у тебя в ладонях,
Где ночевала слеза,
То ли ромашка тонет,
То ли плывет звезда.

2009

***

Только вымолвишь: Господи-Боже,
Как спокойно от этого света.
Хоть и осень в разгаре, но все же
Ни тоски, ни печали по лету.

И деревьев высокое пламя
Так смиренно ложится под ноги,
Что легко. И приходят на память
И березовый лист, и кленовый

Из лесного глубокого детства,
Где мы спрятаны были до срока
И уже не могли наглядеться
На распахнутый мир светлоокий.

2009

***

Когда бы не отстать на поколение.
Я чувствую такое отдаленье,
Как будто ты уже в небытии,
А я еще конечности свои
Распознаю – как вижу их впервые.
Какие они влажные, живые,
И хочется тебя мне всю обнять,
И слово вымолвить не «тьма», а «мать»,
И светлое, как утро, «аллилуйя»
Пролепетать, чело твое целуя.
И мы, что те же странники, пойдем,
Куда глаза глядят. Ты о своем,
Я о своем, но нет мне городов
Обетованнее, чем твой покров.

О, вразуми меня, покуда я –
Играющее с вечностью дитя.
Покуда истина, увы, моими
Устами не глагольствует немymi.
Покуда тяга к перемене мест.
Покуда тягостен сизифов крест.

2009

***

Закреть глаза на все – на всебиенье шума,
На тишины пророческую речь,
Из горечи отчаянья извлечь
Не детский плач, а музыку большую.

2009

***

Господи триединый,
Каждому дай свое:
Женщине дай сына,
Воину – копьё.

Смерти какое дело,
Что нас пригрело здесь?
Бабочки хрупкое тело
Плачет в тяжелой воде.

Скажешь: помилуй Боже,
Примешься снова за
Горестный труд, но все же
Сколько тебя спасал –

И от реки Гордыни,
И от звезды Полынь,
Дабы и присно, и ныне,
Дабы вовеки аминь.

2009

***

...И хочется не суетно, а так –
Но, Господи, возможно ли, кто знает? –
Жить и писать стихи, как Пастернак, –
Навзрыд слова бесплотные роняя.

Вот так бы жить – идти, куда ведет
Слепое сердце, полное прозренья,
И знать: всему свой век и свой черед –
И даже этому стихотворенью.

2010

***

Как тянется сегодня выходной
В кругу зимы, в унылой книжной лени.
И мы с тобой из разных поколений,
Но все-таки из музыки – одной.

И нам с тобой ни в чем не повезло.
И все, что есть у нас, – любовь да мука.
И я тебе протягиваю руку
И расправляю над тобой крыло.

2010

***

Перелистаешь дни и выпорхнешь из плена
Сухих календарей, настраивая слух.
И пару-тройку строк уронишь – и мгновенно
Вернешься в бытие, где тишина и звук –
Все переплетено и воедино слито.
И нет ни времени для горя, ни причин.
И так останешься – твердить свою молитву
Скупую. И когда она горчит,
То на душе куда светлей и слаще,
Куда бессмертнее и ближе до небес.
И сам себя воистину обрящешь.
И вымолвишь: воистину воскрес.

2010

***

Земля томится влагой, но вода
Поет о том, что горе не беда.
И наш кораблик – спичка в скорлупе –
Навстречу уготованной судьбе
Несется, налетая то на риф
Из камешка, то кружит на мели
Ручья, пока не подтолкнешь его, –
И дальше в путь, как будто ничего
И не было. И снова бег волны.
И снова мы дожили до весны,
Хотя устали, бранные, но все ж...
Как ты поймешь, как ты меня поймешь!

2010

***

Все суета, но – Господи прости –
О чем еще сказать? О сумме снега.
О беге времени. О шуме века.
Об имяреках. О конце пути.

Но губы пробуют на звук слова
Простые и знакомые друг другу.
И шествуют торжественно по кругу
Трава и Солнце. И опять Трава.

2010

За окном. А у нас, как всегда, за окном
ни единой души.
Но куда, Одиссей, но куда от себя убежишь?
И опять возвращаешься, море покинув свое,
В тишину, в бездорожье –
в такое родное житье.

2010

***

Камы-реки синева.
Все превращая в слова,
Ты говоришь о простом —
Камешке белом речном,

Береге странном, чужом.
Чей там виднеется дом?
И, велики и тихи,
Катятся волны-стихи.

Ты говоришь о себе.
Лодке своей, судьбе.
Женщине в дальнем краю.
Смерти в честном бою.

2010

***

Маме

Все, что мы называем счастьем, на самом деле –
Летний вечер, едва плывущий в оконной раме,
Шелест леса, собачий лай, горизонта гуденье,
Бирюзовое небо с малиновыми облаками.

Вот посмотришь на запад – и поздно,
и свет без тени.

И в грядущую зиму не верится ни на йоту.
И в открытые двери, по деревянным ступеням
Мы сбегает навстречу августу-звездочету.

2010

***

Конец июля, и грядет
Преображение, ты помнишь?
Уже почти созрел шиповник
И стал синее небосвод.

И у меня так много дела:
Сложить стихи, продолжить путь,
Отца и мать упомянуть
В своей молитве неумелой.

2010

Муза

Муза хмурая давно.
Музе, в общем, все равно –
Что готовка, что тусовка,
Что вечернее кино.

С точки зренья Музы, все
Это – глупое житье.
Муза мною недовольна –
Мол, не жалую ее.

Мол, не кланяюсь перу
(что, конечно, не к добру),
Семиствольную цевницу
Вовсе в руки не беру,

Не читаю, не пишу,
По театрам не хожу,
В самых суетных заботах
День бездарно провожу:

То кафе, где вид на пруд,
То еще куда зовут.
Вот когда б ты, Муза, знала,
Из чего стихи растут!

***

По улицам ижевским и пустым,
Вдыхая осени прохладный дым,
Пойдем с тобой, как прежде, наизусть
Изученным маршрутом. Ну и пусть
Минуло лето – с лебедя вода,
И под ногами желтая слюда.

По Горького, где твой любимый вид:
Направо сонный водоем стоит,
Налево кроны тянутся к горе
(Наверное, как свечи, в сентябре), –
И в летний сад, в шумилище берез,
Уже не прячущих прощальных слез.

Пойдем с тобой без цели, просто так –
Куда глаза глядят: через овраг
По деревянным улицам резным,
По воткинским дорогам объездным,
По северным холмам, где я читаю
То самое – «Вставай, пойдем по краю...»

2010

Странствие

Когда, приблизясь к возрасту иному,
Я вкус познал и соли, и земли,
И божества невыносимый лик,
Мне дьявольская разница меж сном и
Прозрением открылась. И болела,
И ныла разmozженная ступня,
Но я покинул плоть, хотя меня
Еще зывало собственное тело.
И сам я расширялся, и зрачки,
Вкушая тьму пространства, расширялись,
И в сердце множились и повторялись,
Как гвозди, красной боли светлячки.
И, ощутив себя уже не тем,
Что именем звалось еще мгновенье
Тому назад, я принял откровенье –
О духе, о страданье, о Христе.
И понял я, что плоть моя – всего
Лишь пелена, в которую с рожденья
Душа завернута – на брренное хожденье
По сей земле, – и больше ничего.
И, полный изумления, свои
Рассматривал я тщетные вериги,
Уже томясь о странствии великом,
Увы, запретном, что ни говори.
И я прошел сквозь стену, и была
Она глухой материей – такой же,

Как та моя оставленная кожа,
Еще хранившая запас тепла,
Но небывалый магнетизм ее,
Как черная дыра, как наказание,
Меня преследовал, пока внезапно
Я не покинул лежбище свое.

И город рукотворный предо мной
Лежал – и разоренным Карфагеном
И Римом золотым одновременно.
И все пространства сдвинулись в одно.
И сам я был пространством и любой
Мог обернуться вещью, и любые
Принять готов был формы. И впервые
Себя бессмертной осознал Душой.
И все открывшееся мне в тот час
С унылым опытом земным в сравненье
Не шло, ибо прекрасней и страшнее
Ни женщина, ни слово, ни печаль
Не могут быть. И призрачный эфир
Едва преодолев по чьей-то воле,
Со скоростью, недопустимой боле,
И небом ощутив себя, и мир
Увидев с высоты, и грозных битв
Земных узрев и славу, и бесславность,
И смертным льдом испытанный, и лавой,
Я очутился в солнечной степи.

И подо мной лежали небеса,
И проплывала надо мною синь их.

Когда бы кто сумел живописать
Заветный рай, когда б изобразим он...
Но раскрывались красные цветы,
И желтые, и синие, – земные
Таких бы не придумали сады
И руки человечьи не взрастили.
И тех дерев сквозная высота
Звучала, как молитва о покое,
О свете, о любви, о нас с тобою,
О веке, распинающем Христа.
И степь цвела, как радуга, когда
Я шел по ней, исполненный блаженства,
Уже не чувствуя в себе ни жженья
Обиды желторотой, ни следа
Печали черноокой, ни томленья
О доме, но нежнейшую из нег.
И впору опуститься на колени,
Когда бы был, как прежде, человек.
И понял я, что все людское счастье
Есть только искушение, обман,
Прелюдия, преддверие, туман,
Мелодии нездешней звук начальный.

И если я когда-то возвращусь,
Не спрашивай про неземную грусть
В моих глазах, ибо не вспомню я,
Где был, что видел, в чем вина моя.

2010-2013

***

Читая И.Б.

И слезная осина,
И поезд журавлиный –
Все говорит о том,
Что осень за окном,

Что время не потерпит.
И мы с тобой, Эвтерпа,
Тех «Новых стансов» грусть
Читаем наизусть.

«Дождь лил всю ночь. Все птицы...»
Хотя не возвратится
Ничто на круги, но –
Эвтерпа ты? – со мной

Не приключится худа,
Покуда ритм, покуда
Дыхание и речь,
И слух, и взгляд горе!

И плащ твой рдяный, рваный,
Как щит обетованный.
И веточка-стило,
Как вечное перо.

2010

***

Только подумать – как будто вчера
Все это было со мною:
Школы начальной и средней пора,
Новый портфель за спиною.

Ну а совсем оглянуться назад –
Ярче и четче детали.
Помнишь, Виталька, родной детский сад?
Как мы оттуда сбегали!

И на заборе сидели весь день:
Ждали гудка заводского.
Май зеленел, расцвела сирень
В окнах у Сашки Мичкова.

Сашка Мичков! До сих пор я в тоске.
Время по-своему лечит.
Ты мне сердечко чертил на песке,
Юбку дарил и колечко.

Улица тихо и мирно жила,
Не одобряла чужого.
Помнишь, Виталька, такие дела –
Я воровала крыжовник

У бабки Ани в оградке, потом
Угол мне был в наказанье.
Папа еще ремонтировал дом,
Видел своими глазами

Стыд на моем шестилетнем лице
(Бабка грозила милицией).
Кто тогда знал, что Камбарский лицей
Долго мной будет гордиться?

...Помнишь тот зонтик?
Мне было семь лет –
Прыгали с крыши сарая.
Помнишь бутылки, цветмет и чермет?
Что там еще собирали?

Помнишь землянку в лесу, самопал,
Август дождливый и млечный?
Сашка уехал, и дом пустовал,
Кануло в Каму колечко.

Кануло в Каму: холодное дно.
Вдаль укатилось лето.
Где же ты, где, золотое руно?
Нет, не дает ответа.

2011

***

Зацветает липа. Июль в полудреме.
Мы живем с тобой в деревянном доме,
У широкой реки, за семью холмами,
И высокое небо стоит над нами.

Мы живем – и словно не знаем горя.
Далеко от столиц, поездов и моря,
В безымянной провинции, как в пустыне,
На судьбу полагаясь и присно и ныне.

Мы живем – и ночью глазеем на звезды.
Ты, конечно, не помнишь, кто такой Постум,
Да и я, говоря откровенно, не помню.
Все смешалось – и Постум,
и «Письма с Понта»,

И чужие стихи, и родные осины.
Это значит, все же не хлебом единым,
Хоть и в поте лица, мы живем под нею –
Под смоковницей вечнозеленой своею.

2011

***

Я помню чудное мгновенье:
В тазу клубничное варенье
(от ос, конечно, нет спасенья),
И солнце из окна.

И эта кухня, утро это...
Почти что середина лета.
Хоть на пруду вода прогрета,
Но в Каме холодна.

Белеет парус где-то в море,
Гуляют кони на просторе,
И незабудку в чистом поле
Баюкает Зефир.

Я помню чудное такое
Мгновенье – лето, мы с тобою...
Блажен, кто не узнал покоя,
Кто посетил сей мир.

2011

***

Вот туча полнеба накрыла,
И лес потемнел – не узнать.
Тоска по заветному Крыму
Тебя донимает опять.

По тем тополям серебристым,
По мирту, по чудной листве
Лунария, по кипарисам,
Да просто по жухлой траве.

По соли, еще раз по соли,
По гальке горячей, по всем
Забывшим и радость, и горе
В порту кораблям, по грозе

На море, по самой высокой
Волне, по медузе любой,
По танкеру, что одиноко
В тумане плывет голубом,

По ним – никому неизвестным
Узорам на Черной скале,
По колоколу в Херсонесе
И арке в Чуфут-Кале,

По дивным восточным фонтанам –
И детства, и слез, и любви,
По Лиссу, по Зурбагану,
По пыльным дорогам земли.

2011

***

Посмотри, дружок, в окно –
Как на улице темно.
Август – что же тут поделать,
Повлиять нам не дано

На погоду, на эфир
Да на весь крещеный мир,
Толстокожий, угловатый
И зачитанный до дыр.

2011

***

Я на родине прячу взоры:
Вся Камбарка – одна родня.
Подпирает с утра заборы
Затрапезная алкашня.

Бабка Аня еще живая,
Так же зелен крыжовник в саду,
И соседки ковры стирают
На камбарском зеленом пруду.

А на Каме-реке парома
Не дождешься – такая фигня.
Неужели я снова дома?
Мама, папа, простите меня.

И красивей я стала, и проще,
И тридцатник не дашь все равно.
Где ты, Толя-регулировщик?
Чай, в Сардане уже давно.

Я у бабушки на могиле
С прошлой осени не была.
Как давно ее хоронили,
Как недавно она умерла.

Палисадник ее тенистый,
Тополь-яшень – покой такой...
Был мой дедушка гармонистом
И танкистом под Курской дугой.

...Вот ведь, Господи, лето, жарко –
Все как в детские времена.
Эх, Камбарка моя, Камбарка,
Безызвестная сторона!

2013

***

Господи, прости меня, пожалуйста,
И помилуй от всего ненужного.
Вроде бы, живешь себе, не жалуясь,
Радуюсь весне, земле простуженной,
Серому воробышку бесстрашному
(Смерть его и голодом, и холодом),
Солнцу неожиданному нашему
Над утратившим надежду городом.

2013

***

Здесь можно жить, затаив дыханье,
И даже не думать о завтрашнем дне.
Сидеть на окне, болтая ногами.
На деревянном теплом окне.

Здесь тихо очень, и даже можно
Услышать, как старая дышит сосна,
И всех соседских котов и кошек –
Ты не поверишь – по имени знать.

Здесь можно забыться, не помнить, кто ты –
Училка в очках, кандидат в дурачках,
Какая твоя мечта идиота,
Какая дата в твоих зрачках,

Какая скука в твоей тетради,
Как бледно слово тебе назло.
Здесь можно зависнуть и – Бога ради –
Здесь можно не помнить, что время прошло:

Болтая ногами, сидеть на окошке,
Как в детстве, кузнечиков чудных ловить
И всем соседским котам и кошкам
При встрече «приветствую» говорить.

2013

***

Давай вернемся, позабыв дела,
В тот самый день без даты и печали.
Когда я там последний раз была,
В неведенье спасаясь, как в опале?

Все слишком просто: брякал водовоз,
Собаки лаяли без всякого резона,
Кричал петух, наверное, до слез
О том, что жизнь и знойна, и бессонна.

Но, птичьего не зная языка
И своего грядущего кочевья,
Смотрела я, как плыли облака,
Перемещались тени от деревьев,

Июньский жук, в цветке устроив дом,
Дышал блаженством, как султан в гареме...
Вот так непоправимым чередом
Своим в тар-тартары катилось время.

2013

***

Как хорошо в полуденной тени
Читать стихи, труды свои и дни
(что, в общем-то, одно и то же)
Вершить и множить, множить, множить
Бесплотных звуков стройные ряды.
И говорить со временем на «ты».
И говорить: куда, моя ладья,
Плывешь? – В небытие из бытия,
В холодный мир небесных многоточий...
(Как сложно было этот текст закончить:
Enjambement. Прости меня, язык,
Я к твоему бессмертью не привык).

2013

***

Знакомый мир как будто не знаком –
Тетрадное непаханое поле.
И снег лежит, пронзительный до боли,
Стерильным обдавая холодком.

Пустых трамваев полусонный бег.
Мой город, узнаю твоё звучанье.
О Господи, прости мое отчаянье –
Что вот такой я горе-имярек,

Что вот такой потерянный, чудной,
Себя не узнающий, между прочим,
В зеркальных отражениях, больной
На голову – придурочный, короче!

Что все то в облаках, то в дураках,
Что весь такой тупой, косноязычный,
Что я не понимаю ни фиги,
Как говорить красиво и логично,

Что так боюсь людей и поездов,
Звонков на сотовый и электронных писем,
Своих сомнений и чужих понтов,
Что так и тянет спрятаться от жизни,

Что паранойя, Господи прости,
И я умру, наверно, не в России...
Но столько в небе напряженной сини —
И боль такая сильная в груди.

2013

***

Когда я совсем устану,
Я уеду в деревню,
Буду там жить неспешно,
В земную дышать кору
И удивляться лесу –
Какой молодой он и древний.
Когда я совсем устану.
Когда я совсем умру.

2013

***

Возвращаясь на родину, думаешь:

вот бы жить

Где-нибудь далеко-далеко, у самого моря,
Просыпаться под шум прибоя, не зная горя,
На другом языке и думать, и говорить.

Возвращаясь на родину, знаешь,

какой убогий

Ожидает тебя пейзаж за окном вагона.

Между прочим, дождь. Между прочим,

совсем немного

Остается времени до окончания сезона.

Ах ты, Господи мой, до чего же здесь

некрасиво –

Никаких там

магнолий-фонтанов-дворцов-кораблей...

Но опять покупаешь в ларьке грошовое пиво

И дымишь сигаретой из пачки

за тридцать рублей

2013

***

Ноябрьский день сонливый, осторожный,
Бледнеющий опустошенный свет.
А я такой придурок невозможный,
Что нет мне имени. И времени мне нет.

И если уж совсем устал от вновь
Занывших ран и злишься не на шутку,
То так и тянет заглянуть в кафе «Минутка»
И с алкашами выпить за любовь!

2013

***

Не поеду ни в Москву, ни в Питер:
Никаких столиц не надо мне.
Вы себе живите, где хотите.
Я же остаюсь в родной дыре.

Скажут: глухо здесь и одиноко
И, конечно, мало перспектив.
Но зато за пазухой у Бога
И без роковых альтернатив.

2013

***

Последний день хмельного декабря
Две тысячи тринадцатого года.
Растаял мир – достать чернил и вот бы,
Как Пастернак, писать про все подряд –

Трамваи, лужи, звезды рождества,
Еловых лап и мандаринов свежесть...
И столько лет прошло, а мы все те же,
И Пушкинская улица едва

ли изменилась – разве что длинней
И, может быть, светлее стала даже.
И мы идем по ней – и все не важно.
И впереди еще так много дней.

2014

***

*Ромео не было.
Эней, конечно, был.
А.Ахматова.*

Бессонница. О чем еще жалеть?
Вот, кажется, рассвет уже так близок.
Читаешь – нет, не список кораблей –
Такой тревожный донжуанский список.

Как верить этой призрачной игре? –
И жарко станет, и мороз по коже...
Ну да, Эней, конечно, был, – и что же? –
Не в первый раз Дидона на костре.

2013

***

Такие неумные вначале,
Улягутся стихи, как снег большой.
Опубликуешь их в каком-нибудь журнале,
В каком-нибудь «Луче» – и хорошо.

В «Урале», в «Воздухе» ли, в «Арионе»
(Как в этом мире вероятно все!)
И даже, может быть, в заветном лонге
«Дебюта» засветиться повезет.

Сарказм? Отравленные стрелы? – Что ты! –
Невыразимая, скорее, грусть.
И я домой идти буду с работы,
Тебя лишь повторяя наизусть.

2013

***

Это чьи-то такие глухие шаги.
Это входит зима в твои горе-стихи,
Оставляя в них голос мертвеющих рек,
Немоту горизонта, нетающий снег,

Сон-томленьё Сибири, Урала тоску...
Сколько долгих зим на твоём веку
Было, будет... Кляни – не кляни судьбу –
Не успеешь согреться, как жизнь в трубу.

2014

***

Стране нужны метаморфозы:
Как водится, сменить бы власть.
Читатель ждет уж рифмы «розы».
На что она ему сдалась?

На что ему сдалась вся эта
Сентиментальная фигня?
А в понедельник у поэта –
Представьте только – отходняк.

Поэт, короче, забулдыга,
Последний псих, ядрена мать!
И за бутылку даже книгу
Своих стихов готово продать.

2014

***

До сентября нам остается три
Коротких дня – и кончено, finite!
Ночь падает на город. Фонари
Давно мертвы, ибо давно разбиты.

И время дышит слишком горячо,
Как будто бы больной с температурой
По сорок. Где мне быть его врачом? –
Ему и меч – дурак, и пуля – дура.

И сам я словно раненый солдат
С таким смертельным в сердце подозреньем:
Все перемелется, никто не виноват,
А мне вот не дожить до воскресенья.

2014

***

Что тебе остается делать
В этом мире, черном и белом? –
Строить лодку, молиться Богу,
В звонком сердце нести тоску
И свою ночную тревогу
Поверить разве что стиху.

В общем-то, не дано иного,
Кроме слова и снова слова,
Кроме этой вот болтовни.
Говорят, вся жизнь – на изломе,
И не жизнь, а смертельный номер.
Ну а ты вот – Судьбу обмани.

2014

***

...И когда мы умрем – от сердечного ли удара,
Рака, запоя (от чего еще умирают в России?) –
От нас останется куча старых вещей и пара
Обуви – новой, которую не изнасили.

Мы будем ветхими, как и все
дорогие нам вещи –
Письменный стол, книжки с закладками,
кружки
С отбитыми ручками, фото любимых
женщин...
А ведь сколько-то лет назад играли в игрушки,

Говорили: вот индекс Хирша – у меня он 20,
Это значит, я не последний в науке-дуре.
Но когда мы умрем, некому будет вдаваться
В эти подробности нашей научной халтуры.

Ибо брэнно все, что нам навязала эпоха,
Все растрата одна и цельности нет как нет...

Вот, стихи написала, хотя – хорошо ли, плохо –
Не пойму. И не важно. Короче, тебе видней!

2014

Женские стихи

Люби меня сильно – на этой земле,
Здесь и сейчас. И не важно, что станет
С нами потом – через много лет.
Наши стихи разлетятся стаей
Птиц – по журналам, и будет о чем
Думать и помнить – не больше, не меньше.
Просто
люби меня горячо –
И я напишу за всех твоих женщин –
Слишком прекрасных, чтоб ревновать,
С черными, как у цыганок, глазами.
Знаю, пропахли твои слова
Их волосами и голосами,
Знаю, они в тебе навсегда:
Женщины – как полноводные реки,
Все унесут, не оставят следа
Грусти-печали последней, навеки
Все убаюкает глубина.
И от того так светлы их лица,
Что невозможно, коснувшись дна,
Выйти на берег – и не измениться.

2014

***

Мы пишем письма словно в никуда.
В эпоху всевозможных одиночеств
Они, увы, звучат сильнее очных
Признаний. В этом общая беда.

И между нами, может, ничего
И нет. И только слова дуновенье,
Его мерцание, его явление,
В конце концов, безумие его.

2014

***

По воткинской кладбищенской земле
Блуждали мы, как странники во мгле,
Не чувствуя ни тверди под ногами,
Ни смысла возвращения назад.
Спасительна – иначе не сказать –
Мучительная верность между нами.

И я уже почти что десять лет
Все за тобой шагаю – след во след.
И думаю: не исчезай из вида.
И думаю: пожалуйста, пробудь
Со мной как можно дольше, ибо путь
Так короток. И меньше половины
Осталось нам. И холодна земля.
Весна еще не тронула поля
Своим дыханьем, горестным и влажным.
И мы идем – туда, где никого, –
Кресты и вербы, только и всего.
Да силуэт высоковольтной башни.

2014

***

Почти не отрываясь от земли,
Мы друг без друга как-то жили-были,
Пока стихи – проводники слепые –
Неведомо куда не завели,

Не заманили в тесные силки
(Такие безобидные вначале),
Не закружили, не зарифмовали.
И – странно – от строки и до строки

Теперь живешь – по сердцу и уму,
И пишешь, будто дышишь, – так же просто,
Без глупых и мучительных вопросов,
Без лишних слов, не нужных никому.

2014

***

Моим родителям.

Спасибо, Господи, что столько лет прошло,
А здесь вот ничего не изменилось –
Такое же июльское тепло.
Ну как его сберечь, скажи на милость?

Я так же просыпаюсь по утрам,
Как в детстве, и бегу через ступени
Во двор, в извечный наш тартарарам,
В безумный сад шмелей и светотени.

Мне двадцать семь, и это – ерунда,
Ну, разве не пустяк, не мелочь разве?
Я, может быть, останусь навсегда
Такой вот детской, сумасшедшей, разной

И буду рифмовать себе стихи
Про это мир, зеленый-белый-синий,
Про звонкие заборов позвонки,
Про эту глухомань мою в полыни.

2014

***

Середина лета – свобода, конечно.
Вместо синего моря – Кама-река,
И над ней корабли проплывают неспешно.
Это чьи-то души, наверняка.

Так и мы с тобой через много-много
Невозможных лет возвратимся опять
Вот на эту возлюбленную Богом,
Некрасивую, нищую родину-мать,

Нашу землю, в которой стоим по пояс,
Навсегда пропахнув ее травой,
Словно это и есть единственный полюс,
Где возможно счастье от ничего,

Просто так – от запаха сенокоса.
(Говори мне сейчас: я вернусь, вернусь...)

За окном пейзаж – борщевик да березы.
Боже мой, невыразимая грусть!

2014

***

Пребивай в своей баснословной лени,
Не ходи во двор, а кури в окно,
Просыпаясь, клади ноутбук на колени,
Заходи в контакт, как заведено
У тебя – по утрам, выпивай горячий
Кофе, сваренный в турке, смотри сериал –
Сразу несколько серий, а как иначе,
Если вновь предугадываешь финал?
Открывай нечитанную книжку –
Ту, которая все оставалась на
Выходные, отпуск, а то уж слишком...
Открывай-закрывай, и садись у окна
И кури вдохновенно – как наудачу,
И зови кого-нибудь, кто бы пришел,
По пути купил тебе пару пачек,
Улыбнулся, уверил, что все хорошо,
Выпил чаю, пошел бы с тобой шататься
Вдоль по Пушкинской улице –
                                длинной такой,
Скоро будет лето и, может статься,
Все наладится как-то само собой.
Все изменится к лучшему, станет светлее,
Где вернется на круги, где так отболит.
Пребивай в своей баснословной лени,
Пребивай, пока прибывают дни,

Пока все нестрашно, поскольку много
Остается их – милосердных, злых...
Но не думай о смерти, вообще не трогай
Эту тему, пока еще можно плыть.

2014

***

Ощущенье такое, что лета уже не будет,
Что оно прошло, а мы и не поняли даже.
Вот посмотришь в окно: тепло одетые люди
По утрам выходят из мокрых многоэтажек,

А уже июль, и ночи стали длиннее.
Иногда вечерами выглядывает солнце.
Я люблю тебя так же – возможно, еще больше,
Говорю тебе: вот увидишь – все обойдется.

2014

***

Памяти Алексея Сомова

Когда высокие, как небо,
Стояли дни над головой,
Ты был тогда почти бессмертным,
И я была совсем живой.

И выплывали из окопов
Созвездья, птицы, облака...
Невероятным автостопом
Мелькала из-под козырька

В ромашках и чертополохе
Простая жизнь – как дважды два,
И между выдохом и вдохом
Еще мерещились слова...

Не знаю, что могло случиться,
Какие ветры замели
Твои усталые глазницы
И руки тонкие твои.

Но мы еще сюда вернемся,
Хоть сколько раз ни умирай, –
Вот в этот мир, залитый солнцем,
В запущенный терновый рай.

2014

***

Ну, ничего, ничего – долетим до звезды
И до воды большой доживем,
  вот наступит весна...
В руки возьмешь мотылька –
  только белый дым...
Жалость такая в сердце – кому нужна?

Ходит по миру девочка с решетом –
Синие очи бездонные – красота!
И собирает небесную манну – а то!
Но в решете по-прежнему пустота.

Вот уж созрели яблоки – гулкая плоть
Падает, да и ветер похолодал.
И на высоком облаке сам Господь
Плачет-смеется: чего я вам недодал?

Да ничего, ничего, это мы потом
Все пересмотрим, скажем: вообще хорошо.
Даже вот девочка – ну, которая с решетом,
Радуетя, что снег наконец-то пошел.

2014

***

Вот так и вспоминаешь мимоходом
Про летние короткие свиданья,
Когда еще листва была на взводе
И дольше века длилось ожиданье,

Когда в безумные распахнутые двери
Лучи врывались – дерзко и внезапно,
И можно было верить и не верить,
Но лучше – не загадывать на завтра...

Все тихо стало в доме, слишком просто,
И остается – с нежностью и грустью
Встречать растерянную, вздыбленную осень
Над призрачным ижевским захолустьем.

2014

Осень

Я шел по улице, и ветер шел за мной,
И надо мной он шел, и подо мной,
И собирал растерянные листья,

И складывал их в гоголевский сквер.
Он был, наверно, коллекционер,
А может, просто – он хотел забыться.

А может, просто – он любил, когда
Еще не наступили холода,
Но в воздухе – прохлада и прозренья.

И день стоит – прозрачный, как стекло,
И столько листьев за ночь намело,
Что и не страшно исчезать из поля зренья.

2014

***

Читая стихи С. Матвеева

Я поднимаю голову: деревья,
Как древние языческие боги,
О чем-то шепчутся, глумятся надо мной.
Я на земле, где мурома и меря,
Воспев обратную цветущую дорогу,
Идут – ко всем столетиям спиной.

А я смотрю, как стонут провода
От холода, и, полные гордыни,
Незримо исчезают до пустыни
Все призрачные наши города.

2014

***

Пойти по городу с бездумной головой,
Такой безмысленной, такой пустопорожней.
Пойти по городу и – Боже мой –
Про все забыть, кроме тебя, мой Боже.

И думать, как чудны дела Твои,
Как ты умеешь переплавить в ноты
Весь этот мир из боли и любви,
Из жалкого, из главного чего-то.

2015

***

Когда-то и мы с тобой тоже вот так,
Как те двое,
Будем бродить по улицам натошак,
В небо глазеть голубое,

Собирать забегаловки в центре, читать стихи,
Даже смотреть Лавкрафта.
И если кто скажет про нас: «дураки», –
Это будет сущая правда.

Когда-то и ты Пушкинскую наизусть
Будешь знать, как свои пять пальцев.
Я тебе расскажу про мою
  многoletнюю грусть,
Про то, как с ней не расстаться,

Про то, как в две тысячи пятом
  или, скорее, шестом
Началась эта странная мука...
Все это будет когда-то очень потом,
После очередной – последней –
  нашей разлуки,

Когда мы оба наконец-то выйдем на свет
Из Чистилища
или со дна морского,
И ты скажешь мне: «Я так люблю
твой скелет,
И не надо мне никакого другого!»

2015

Глаза

В этих глазах не то что полцарства –
полмира,
Сам Эверест и Марианское дно.
Даже Австралия, про которую пела
Земфира.
Северный Полюс и Южный с ним заодно.

В этих глазах смешались Восток и Запад,
Все океаны, не помнящие земли,
Южные дебри, средневековые замки,
Вечной Эллады бесчисленные корабли.

В этих глазах отчаянного Грзя
Новые звезды и новые небеса...
Если б Ассоль была хоть немного взрослее –
Просто поменьше верила в паруса...

Но в этих глазах неважно-какого-цвета,
В этих двух полушариях беззаконной,
бездонной Луны –
Все лучшие сны, которые снились детям,
Все самые никому не нужные сны.

2015

***

– Игорь, заводи лейку! Заводи лейку!
Это эвакуация, это эвакуация.

Д. Быков. Эвакуатор.

Дальше – снега, холода, заборы, сугробы,
Небо, полное серой такой тоски...
Вот бы у нас с тобой – да любовь до гроба,
Вот бы как в сказке – до гробовой доски!

Вот бы мы жили с тобой за семью холмами,
Горя не знали, пили цветочный чай,
Всякие бы чудеса приключались с нами –
Как-то совсем негаданно, невзначай.

В гости бы к нам приплывали синие птицы,
В окна бы к нам заглядывал Млечный путь.
Вот бы мы жили с тобой,
как другим и не снится, –
Как не бывает совсем. Но не в этом суть,

Даже не в том, что, Господи, это слишком:
Просто не вынести, просто сойти с ума:
Жили бы мы с тобой, писали бы книжки
Да и однажды вообще улетели на Марс!

2015

***

Вот посмотришь в окно:

бесконечные провода...

Этот поезд едет из ниоткуда в куда,
Из таких дождей, о которых мы не слышали,
Из таких ночей, которые были вначале,

Из тумана, сумрака, призрачных островов,
Из таких времен, когда еще слово «любовь»
Означало «любовь» – и не менее, и не боле...
Из Господних рук, где Адам

не чувствовал боли

Да и Ева была еще, знаешь ли, хороша:
У нее под ребром пока не проснулась душа.
Ничего не боялись они – никаких вестей:
Настоящие дети, последние из детей...

А вот я в этой странной, в этой глухой зиме
Словно еду незнамо куда,
и так страшно мне.

Черно-белый пейзаж,
невозможное чувство вины,
Будто все невозвратно и не дожить до весны.

Этот медленный поезд, кажется, что летит.
Где-то в небе гаснет последний метеорит.
И – прости меня Боже, помилуй меня, дурака,
Да и спрячь невозможный Свой
ветер за облака.

2015

Из цикла «Знакомые сюжеты»

*

Собирайся, мы едем с тобой
                                в самый северный город,
Где совсем не железные, а ледяные дороги.
Где всегда снегопад,
                                потому что навечно распорот
Небосвод, – это дело холодного нашего бога.

Собирайся, бери свою шапку и рукавицы,
Надевай прошлогоднюю шубу, она еще впору.
Ты увидишь, как налету стекленеют птицы.
Я тебе покажу самый-самый северный полюс.

Собирайся, оставь эти красные-белые розы,
Эти тлеющие лепестки, пустяки все эти.
Ты узнаешь, как хороши ледяные звезды.
С ними любят играть и ангелы наши, и дети.

Собирайся. Уже в домах погасили свечи.
Вот и мой портрет на окне – ледяным узором.
Ты полюбишь – я знаю –
                                пустынное слово «Вечность».

Собирайся, мы едем с тобой
                                в самый мертвый город.

2015

*

Мне все равно, в какой умереть стране.
Мне все равно, сколько долларов стоит нефть.
Мне уже все равно, каким будет утро казни.
Этот мир безнадежен –
как в романе Олдоса Хаксли.

Это было, когда я училась на курсе четвертом
Или пятом – измятая книжка
в переплете нетвердом,
И наш препод, любивший
Аполлинера и черный юмор,
Говорил, что и сам бы он тоже давно уже умер,
Потому что мы все тут такие –
ценители кислорода,
А на самом деле – дебилы, придурки, уроды,
Жрем поп-корн, глушим колу
(не хуже водки посадит печень),
Сношаемся черт знает с кем,
а больше заняться нечем.

Хорошо тебе, Олдос:
тебя уже нет в этом мире,
И тебе не придется равняться на счет «четыре»,
И никто не прикажет тебе ходить вкруговую,
Не заставит родиться в третью мировую.

2015

79

*

Читая «Цветы для Элджернона»

Здравствуй, Бог! Я такой у тебя дурак.
Вот таких, как я, и надо бы гнать в шею.
Я стою не смирно. Шагаю тоже не в такт.
И вообще ничего коллективного не умею.

Иногда забываю даже, сколько мне лет,
Ни числа не помню, ни года —
  короче, с приветом.
И люблю смотреть в окно — как на земле
Собирает бумажки в стаю дворовый ветер.

Я бы тоже хотел быть ветром
  и жить в листве.
Я бы много чего хотел, всего не расскажешь —
Целоваться бы с морем, ходить бы на голове,
Дурака валять и себя не одергивать даже.

Не дышать бы по стойке смирно,
  не жить в строю,
Ничего бы не делать положенного такого.
А иначе совсем себя я не узнаю.
А иначе мне, Господи, очень даже хреново.

Ты прости мне такое бессвязное письмецо.
Я Тебе его не отправлю, порву тетрадку,
А не то, глядишь, придут
и со строгим лицом
Отберут, прочитают и не вернут обратно!

2015

Эксперимент

Астероиды летят на город,
И в этот опасный момент
Угрюмый профессор Полард
Начинает эксперимент.

Меж будущим и прошедшим
Разницы, в общем-то, нет.
Каждый второй сумасшедший
Начинает эксперимент.

Вот режиссер Голливуда
Начинает эксперимент.
Художник от слова «худо»
Начинает эксперимент.

Любитель зеленой коки
Начинает эксперимент.
Николай Васильевич Гоголь
Начинает эксперимент.

Баба из регистратуры
Начинает эксперимент.
Зав. кафедрой литературы
Начинает эксперимент.

Советский физик Шапиро
Начинает эксперимент.
Алкаш из пятой квартиры
Начинает эксперимент.

Охотник на левиафанов
Начинает эксперимент.
Иван Иванович Иванов
Начинает эксперимент.

Длинноногая наглая фифа
Начинает эксперимент.
Ирина Сергеевна Фиг-Вам
Начинает эксперимент.

Мастерица тряпичных кукол
Начинает эксперимент.
Поэт по фамилии Кукин
Начинает эксперимент.

Всякий непризнанный гений
Начинает эксперимент,
И даже собака на сене
Начинает эксперимент.

Потому что мы все тут новаторы.
Все мы экспериментаторы!

2015

О чем можно писать

Можно писать строки наискосок.
Можно писать – словно ронять листья.
Если тебя до сих пор не убили в висок,
Значит, твои слова не без признаков жизни.

Можно писать, что ты тут совсем никто –
Так, человек-имярек со своим геморроем.
Можно писать не важно даже, про что, –
Ленина, родину-мать, города-герои,

Тонкую сетку еще молодых морщин,
Беса в ребре и ангела где-то слева.
Можно писать про женщин и про мужчин,
Самых твоих возлюбленных, самых последних.

Лучше писать про женщин, про их глаза –
Синие, серые, цвета крепчайшего кофе.
Можно писать, про что рассказать нельзя –
Всякие там разлуки и горе-любви.

Можно писать про фьорды и Братскую ГЭС,
Страхи лесных удмуртов, болезни пигмеев.
Можно писать про пеленки и про диатез.
Можно писать за всех, кто писать не умеет.

Можно писать про деревья в твоём окне,
Осень, весну – про каждое время года.
Можно писать про то, что ты видел во сне,
Даже про то, что не любишь ходить на работу.

Можно писать про бессонницы и суму,
Жалкую жизнь в узелке и скатерть-дорогу...
Надо писать – не важно даже, кому –
Другу, врагу, двойнику или Господу-Богу.

2015

СОДЕРЖАНИЕ

«И когда ты задумаешь сделать нечто...».....	5
«Когда морозно пахнет Рождество...».....	6
«Пахнет январским холодом – как нездешним...».....	7
«В каком краю, у призрачных оград...».....	8
«Мы жили – Боже мой! – в такой глуши...».....	9
«Август – и куст черноплодный...».....	10
«Только вымолвишь: Господи-Боже...».....	11
«Когда бы не отстать на поколение...».....	12
«Закрывать глаза на все – на всебиенье шума...».....	13
«Господи триединый...».....	14
«...И хочется не суетно, а так...».....	15
«Как тянется сегодня выходной...».....	16
«Перелистаешь дни и выпорхнешь из плена...».....	17
«Земля томится влагой, но вода...».....	18
«Все суета, но – Господи прости...».....	19
«Привыкаю к тебе, бездорожье камбарской земли...».....	20
«Камы-реки синева...».....	22
«Все, что мы называем счастьем, на самом деле...».....	23
«Конец июля, и грядет...».....	24
Муза.....	25
«По улицам ижевским и пустым».....	26
Странствие.....	27
«И слезная осина...».....	30
«Только подумать – как будто вчера...».....	31
«Зацветает липа. Июль в полудреме...».....	33
«Я помню чудное мгновенье...».....	34
«Вот туча полнеба накрыла...».....	35
«Посмотри, дружок, в окно...».....	37
«Я на родине прячу взоры...».....	38
«Господи, прости меня, пожалуйста...».....	40
«Здесь можно жить, затаив дыханье...».....	41
«Давай вернемся, забыв дела...».....	42
«Как хорошо в полуденной тени...».....	43
«Знакомый мир как будто не знаком...».....	44

«Когда я совсем устану...».....	46
«Возвращаясь на родину, думаешь: вот бы жить...».....	47
«Ноябрьский день сонливый, осторожный...».....	48
«Не поеду ни в Москву, ни в Питер...».....	49
«Последний день хмельного декабря...».....	50
«Бессонница. О чем еще жалеть?...».....	51
«Такие неумные вначале...».....	52
«Это чьи-то такие глухие шаги...».....	53
«Стране нужны метаморфозы...».....	54
«До сентября нам остается три...».....	55
«Руки мои постарели – ну, ясно, не восемнадцать...».....	56
«Что тебе остается делать...».....	57
«... И когда мы умрем – от сердечного ли удара...».....	58
Женские стихи.....	59
«Мы пишем письма словно в никуда...».....	60
«По воткинской кладбищенской земле...».....	61
«Почти не отрываясь от земли...».....	62
«Спасибо, Господи, что столько лет прошло...».....	63
«Середина лета – свобода, конечно...».....	64
«Пребывай в своей баснословной лени...».....	65
«Ощущенье такое, что лета уже не будет...».....	67
«Когда высокие, как небо...».....	68
«Ну, ничего, ничего – долетим до звезды...».....	69
«Вот так и вспоминаешь мимоходом...».....	70
Осень.....	71
«Я поднимаю голову: деревья...».....	72
«Пойти по городу с бездумной головой...».....	73
«Когда-то и мы с тобой тоже вот так...».....	74
Глаза.....	76
«Дальше – снега, холода, заборы, сугробы...».....	77
«Вот посмотришь в окно: бесконечные провода...».....	78
Из цикла «Знакомые сюжеты».....	80
«Собирайся, мы едем с тобой в самый северный го- род...».....	80
«Мне все равно, в какой умереть стране...».....	81
«Здравствуй, Бог! Я такой у тебя дурак...».....	82
Эксперимент.....	84
О чем можно писать.....	86

Ирина Кадочникова

ЕДИНСТВЕННЫЙ ПОЛЮС

Стихи

Издаётся в авторской редакции

Компьютерная верстка – С.С. Королева
Технический редактор – П.С. Пермякова

Подписано в печать 20.05.2015.
Формат 60x84/32. Печать цифровая. Бумага писчая.
Гарнитура «Times New Roman».
Заказ №82. Тираж 50 экз.

Издательство «Шелест»
426060, УР, г. Ижевск, ул. Энгельса, 164
E-mail: shelest.izd@yandex.ru

Отпечатано: ИПЦ «Малотиражка»
426060, УР, г. Ижевск, ул. Энгельса, 164
Тел.: 8 963 548 51 43, 8 904 317 76 93
E-mail: malotirazhka@mail.ru